

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282
EDN: XCHBZA

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕСНИ «КАНШАУБИЙ», ИЛИ «ПЛАЧ КНЯГИНИ ГОШАЯХ»

Мариям Ахматовна Ахматова¹, Махти Зейтунович Улаков²,
Сахадин Магаметович Хуболов³

^{1,3} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Нальчик, Россия, maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Аннотация. В данной статье рассматриваются языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah». Фольклор является бесценным материалом для исследований в области языкознания, этнографии и лингвофольклористики. В тексте данной песни применялись лексические и изобразительно-выразительные средства для репрезентации образности и красочности языка произведения. В результате проведенного исследования установлено, что лингвокультурологический аспект данной песни выражается через сравнительные конструкции, эпитеты, метафору, фразеологические обороты, паремии, благопожелания и зложелания. Далее выявлен и описан ономастический лексикон песни, выделены различные тематические группы, подтверждающие богатство лексического состава языка данного произведения. Следует отметить, что в песне «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah» прослеживаются горские обычаи, традиции и нравы карачаево-балкарского этноса, его ментальные устои и бытовой устрой, а также различные стороны жизни народа.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; лексика; интертекстуальность; паремии; фразеологизмы; топонимы; антропонимы.

Для цитирования: Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М. Языковые особенности песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошayah» // Электронный журнал «Кавказология». – 2024. – № 1. – С. 267-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282. EDN: XCHBZA.

© Ахматова М.А., Улаков М.З., Хуболов С.М., 2024

Original article

LANGUAGE FEATURES OF THE SONG "KANSHAUBIY," OR "CRYING OF PRINCESS GOSHAYAH"

Mariam A. Akhmatova¹, Mahti Z. Ulakov², Sahadin M. Khubolov³

^{1,3} Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia.

¹ mari.ahmatova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0507-395X>

² Institute for Humanitarian Studies – Branch of the Kabardin-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, maxtti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5972-8472>

³ khubol@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1016-5023>

Abstract. This article examines the linguistic features of the song “Kanshaubiy,” or “Crying Princess Goshayah.” Folklore is known to be invaluable material for research in linguistics, ethnography, and linguopholkloristics. In the text of this song, lexical and pictorial expressive means are used to represent the imagery and colorfulness of the language of the work. The study discovered that the linguocultural aspect of this song is expressed through comparative constructs, epithets, metaphor, phraseological turns, paroemias, benevolence, and potion. The onomastic lexicon of the song was then identified and described, as were various thematic groups, confirming the richness of the lexical composition of this work’s language. It should be noted that the song “Kanshaubiy,” or “Crying of Princess Goshayah,” traces various customs, traditions, and morals of the Karachay-Balkarian ethnic group, its mental foundations and everyday life, as well as some aspects of people’s lives.

Keywords: Karachay-Balkarian language; vocabulary; intertextuality; paremia; phraseologisms; toponyms; anthroponyms.

For citation: Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M. Language features of the song "Kanshaubiy," or "Crying of princess Goshayah". IN: Electronic journal «Caucasology». – 2024. – № 1. – P. 267-282. – DOI: 10.31143/2542-212X-2024-1-267-282. EDN: XCHBZA.

© Akhmatova M.A., Ulakov M.Z., Khubolov S.M., 2024

Введение

Многовековая мудрость народа отражается именно в народном творчестве, которое представляет собой глубоко духовный пласт культуры. Именно через фольклорные произведения происходит непрерывный процесс передачи национальной культуры от поколения к поколению. Изучение специфики фольклорных произведений, путей их исторического развития является одной из важнейших задач лингвистики, лингвокультурологии и фольклористики. На протяжении своей многовековой истории карачаево-балкарский народ создал самобытный с точки зрения формы и содержания фольклор, который в некотором роде представляет собой некий источник информации о быте, нравах, мировоззрении народа, а также исторических событиях, происходивших в его жизни. Фольклорные тексты отражают, хотя и в некотором измененном виде, исторические события, имевшие место в жизни этноса. Благодаря этому с разной долей достоверности можно восполнить некоторые пробелы в истории народа. Значимым является изучение карачаево-балкарского песенного фольклора с лингвокультурологической точки зрения, так как изучение языка во взаимосвязи с культурой народа «делает актуальной проблему отбора языкового материала, несущего культурологическую информацию» [Шайхисламова 2015: 42].

Песни являются важной составляющей национальной культуры народа, поэтому всестороннее их изучение необходимо как для литературоведческой, так и для языковедческой наук. Необходимо отметить, что карачаево-балкарские песни (историко-героические, лирические и др.) с лингвокультуроло-

логической точки зрения мало изучены. Изучение песенного искусства любого народа требует обращения к национальной певческой практике, состоящей в неразрывном единстве со структурно-типологическими свойствами языка и особенностями реализации языковых единиц в актах коммуникации. Малоизученными остаются вопросы языковой репрезентации реалий национальной культуры в песенном фольклоре, а также особенности функционирования языковых и речевых единиц.

Карачаево-балкарский песенный фольклор стал предметом изучения во второй половине прошлого века. Такие ученые-исследователи как А.И. Кареева, М.А. Хубиев, Р. А.-К. Ортабаева, Т.М. Хаджиева, А.И. Рахаев, Х.Х. Малкондуев и др. обратили внимание на богатое духовное наследие карачаево-балкарского народа. Что же касается историко-героических песен, представляющих собой один из жанров устной народной поэзии карачаевцев и балкарцев, то следует отметить работы Х.З. Аппаева, Х.Х. Малкондуева, М.Ч. Джуртубаева, Р.А. Ортабаевой, Н.М. Кагиевой и др., в которых рассматриваются вопросы, связанные с их генезисом, историзмом, жанром и поэтикой. Между тем, вопросы, связанные с изучением языковых, стилистических особенностей песен, до сих пор остаются без должного внимания. Имеются лишь отдельные статьи, посвященные некоторым историко-героическим песням [Кетенчиев 2021].

В историко-героических песнях, в основном, запечатлены реальные события, произошедшие в жизни народа, и «этой действительностью, обусловлена их конкретно-историческая основа и в целом их художественно-эстетическая природа и специфика» [Ахлаков 1981: 67-68], «они воссоздают, хотя и в трансформированном виде, самые значимые события в жизни народа, что особенно важно для карачаево-балкарцев, чья история в силу отсутствия письменности недостаточно полно отразилась в исторических источниках [Джанкезова 2011: 4].

Основная часть

Язык, как одна из форм существования культуры, представляет собой средство создания, развития и хранения произведений материальной и духовной культуры народа. Более того, национальный язык не только отражает, но и формирует менталитет и национальный характер, это средство передачи мировоззрения и миропонимания народа, к тому же, язык и культура являются визитной карточкой любого этноса или определенной ее части. Приведем отрывок из песни, в котором точно описывается основная отличительная черта менталитета жителей Балкарии, проживающих в Черекском ущелье. (Бекмырза:) – *Малкъарлыла пеляхдыла, чамдан бир да тоймайдыла, / Къонакъларын иш этип, бир сынамай къоймайла. / Жигит да, чамчы болсанг, кесинги бек сюдюрюрсе, / Болалмасанг, кесинге сау элни да кюдюрюрсе* [Аланский... 2015: 393] // «Малкарцы – бедовые, они не устают шутить, / Своих гостей, хотя бы раз, обязательно испытывают. / Если будешь смелым и веселым, то они полюбят тебя, / А если ты не таков, то насмешишь все селение».

Выразительность поэтического языка, своеобразный стиль изложения, различные исторические и этнические сведения о народе, содержащиеся в текстах, делают исторические песни неисчерпаемым источником информации как для

филологов, так и для историков и этнографов. «Язык и поэтический строй текстов говорит об их относительной архаичности, т.к. они в основном строятся в присущей ранней форме поэзии тирадной форме, а в лексике содержатся вышедшие из употребления слова...» [Малкондуев 2015: 8]. Как известно, изучение языковых особенностей фольклорных текстов способствует выявлению особенностей основных этапов развития языка. В этом плане большой интерес представляют собой историко-героические песни, в которых нашли отражение реальные исторические события, произошедшие в жизни народа, в том числе песни-плачи (кюй/кюу), которым характерна эмоционально-экспрессивная окрашенность. Как пишет Р.А. Ортабаева, «Глубине содержания кюу – песен-плачей – соответствует их поэтический язык, отличающийся эмоциональностью, разнообразием художественно-образительных средств» [Ортабаева 1977: 86]. К таковым можно отнести песню «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях», которая впервые была опубликована в 1959 г. в «Антологии балкарской поэзии» [Антология... 1959]. Она повествует о суровых испытаниях, выпавших на долю главной героини, о потерянном счастье в личной жизни. Это произведение в различных интерпретациях бытует у некоторых народов Кавказа, где каждый пытался выделить наиболее значимое для себя. Ф.А. Урусбиева пишет: «После Нартов, пожалуй, это самый известный сюжет для северокавказского мира <...> Песня отвечала устремлениям людей» [Урусбиева 2003: 194]. В карачаево-балкарском варианте в лирическую канву произведения была вплетена история военных и дипломатических отношений князей Крымшамхаловых (баксанских карачаевцев).

Основные события в произведении происходят в Баксанском ущелье, Карачае и Дагестане. Как пишет Х. Малкондуев, «...песни 16 века дают ясную картину о географическом пространстве проживания карачаево-балкарцев» [Малкондуев 2015: 8]. Данный памятник устного народного творчества 17 века с исторической точки зрения впервые был исследован в 1996 г. Ю.Н. Асановым, который убедительно описал время бытования и особенности историзма песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях» [Асанов 1996]. Это «историческое исследование, где на сей раз бессмертная история любви извлечена на свет этнографом из архива. В воздухе снова запахло средневековьем... Время феодализма с его противоречиями, время наивысших вибраций как исторического хода вещей, так и проявления, и самопознания личности» [Урусбиева 2003: 193].

Данное произведение вобрало в себя целый ряд элементов, присущих пословицам и поговоркам, благопожеланиям и зложеланиям, что говорит об интертекстуальности произведения. Рассматриваемый феномен интерпретируется как дискурсивная категория, отражающая «процесс «разгерметизации» текстового целого через особую стратегию соотнесения одного текста с другими текстовыми, смысловыми системами и их диалогическое взаимодействие в плане и содержания, и выражения» [Чернявская 2004: 106]. Интертекстуальность представляет собой полиаспектную категорию, «она понимается как способность текста накапливать информацию не только за счет непосредственного опыта, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов» [Ахматова, Кетенчиев 2013: 68]. С

одной стороны, она универсальна для текста в целом, с другой – можно говорить о специфике различных типов текстов. Фольклорный текст динамичен в силу подверженности различным изменениям, в результате чего в него включаются различные микротексты, специфичные для многих жанров устного народного творчества. К таким жанрам относятся пословицы, поговорки, благопожелания (алгыши), проклятия (каргыши). Отметим, что в данном тексте благопожелания встречаются намного реже, нежели зложелания (проклятия). И алгыш, и каргыш представляют собой просьбу, но с кардинально противоположной функцией. Для алгышей характерно пожелание благополучия, а для каргышей – пожелание смерти, ухудшения жизненного благополучия и т.д.

Слова с аффиксом *-сын/-син* выступают основным маркером пожелания в благопожеланиях: *Жашасынла Гошых бла Къаншаубий, юйюр болуп, / Насып берсин Уллу Тейри, арбаз сабийден толуп!* [Аланский... 2015: 400] // «Пусть Гошых и Къаншаубий заживут семьей, / Пусть Великий Тейри дарует им счастье, чтобы двор их был полон детей».

В проклятиях основным маркером пожелания чего-либо негативного, в основном, также выступают слова с аффиксом *-сын/-син*: *Тар Ауузда къая бар ичине оюлсун, / Наным ёлген ёзен къара къандан толсун!* [Аланский... 2015: 418] // «Пусть все скалы в Тар Ауузу провалятся вглубь, / Пусть долина, где погиб мой милый, наполнится кровью»; *Бу аякъны сыйлы аты итлик аякъ болсун, / Хадаужукъну тукъуму уа аныча бузулсун* [Аланский... 2015: 404] // «Пусть священное название этой чаши будет «чаша подлости», / А род Хадаужука (Атажукиных) пусть разобьется как она».

Однако ряд проклятий образуется при помощи следующих аффиксов:

а) *-лыкъ/-лик/-лукъ*: *Бир тул къатын бла уруш этгенди Эльбуздукъ, / Ичи, башы саулай бирден бир бузулдукъ* [Аланский... 2015: 421] // «С вдовой начал войну Эльбуздук, / Пусть бы разом сгнили его голова и внутренности!»;

б) *-рыкъ/-рик/-рукъ*: *Ой, Къарачач, къайда энг, жанынг терк къурурукъ, / Турмен таида, тохтамай, жети кюн бурулдукъ!* [Аланский... 2015: 421] // «Ой, Карачач, где ты была, да сгинет вмиг твоя душа, / Крутиться бы тебе между жерновами семь дней без остановки».

Встречаются и такие конструкции, в которых репрезентантами как благопожеланий, так и зложеланий выступают вспомогательный глагол и аффикс *-гъа/-ге* в составе основного глагол: *Басхан башы къаяла бир бирге аугъа элле, / Мен жашагъан ёзеннге къара къанла жаугъа элле!* [Аланский... 2015: 402] // «Пусть горы Баксана упадут друг на друга, / Пусть зальется черной кровью ущелье, где (мы) живем». *Межамыгда тегерек къала юйюнг болгъа эди, / Аны ичинде Гошыхча, бир ариуунг болгъа эди!* [Аланский... 2015: 400] // «Чтобы была в твоём дворе круглая башня, / В ней была бы у тебя красавица, подобная Гошых».

В тексте встречаются проклятия, насылаемые на самого себя, которые актуализируют сожаление о чем-либо: *Бийге къол узатсам, ой, къолум къурурукъ, / Манга бир сёз да айтмай, кетеди бурулуп* [Аланский... 2015: 410] // «Когда князю протянула руки, ой, чтобы они отсохли, / Ни слова не сказав мне, он повернулся и ушел»; *Ой, Къарачач, жарлыма, къара жер къабайым, / Къан-*

шаубийни, къайтып, къууанч бла табайым! [Аланский... 2015: 409] // «Ой, Карачач, несчастна я, вкусить мне черной земли, / Вернувшись, найти бы (мне) Каншаубия!»; *Бёрю болуп, таугъа кетсемед элимден, / Жилйай-жилйай къапса-мед ачы къара жерден!* [Аланский... 2015: 405] // «Превратившись в волчицу, уйти бы (мне) из селения (моего) в горы, / Плача, вкусить (мне) бы горькой черной земли!». Следует отметить, что все проклятия и благопожелания ориентированы на репрезентацию будущего времени.

Лирико-эпическая песня «Каншаубий» или «Плач Княгини Гошayah» богата различными изобразительно-выразительными средствами, которые характеризуются различной функциональной нагруженностью. Это такие тропы как метафора, метонимия, эпитет, сравнение и др.

В данном тексте значительное место занимает сравнение, которое является одной из распространенных форм художественного описания в тексте и отмечено широким спектром значений. Как известно, сравнительные конструкции служат для усиления описания образа героя, его поступков, действий, «употребление компаративных форм способствует эмоционально-экспрессивной окрашенности эпического текста и делает его язык богатым и сочным» [Ахматова 2011: 20] и т.д.

Основными средствами репрезентации сравнения в описании образа в основном выступают:

а) послелог *кибик* «как бы», «словно», «подобно»: *Элбуздукъ а ётгюр эди, къызып учхан от кибик, / Жортууулгъа баргъанда, андан жигит жокъ эди* [Аланский... 2015: 393] // «Элбуздукъ был отважен, подобно летящей огненной пуле, / В набегах не было никого храбрее его». *Барды насыплары уа, тюшню игиси кибик, / Келлик палах ауур эд, къабыр ийис кибик* [Аланский... 2015: 413] // «Длилось их счастье, как самый лучший сон, / Но тяжела была грядущая беда, как могильный запах».

б) аффиксы *-ча, -лай/-лей*: *Жел ургъанча, дуркъугъа ол (эмилик ат) учуп чыкъгъан эди, / Кесин, къара элияча, ары-бери атхан эди* [Аланский... 2015: 394] // «В загон он (необъезженный конь) ворвался, словно ветер, / Подобно черной молнии, бросал себя в разные стороны»; *Томуроуча бир жилиян, чыгъалмай кюреше эди, / Чунгурдан чыгъа кетип, энишге тюше эди* [Аланский... 2015: 395] // «Как бревно (огромная) змея пыталась выбраться, / Почти выползала она из ямы и снова падала вниз»; *Къутургъан ажир, чочуп, жортуп теби-реген эди, / Бийик сехле башындан къушлай учуп кетген эди* [Аланский... 2015: 394] // «Бешеный жеребец, взбрыкнув, пустился вскачь, / И через высокие заборы перелетел, как птица».

в) конструкции, в которых маркером сравнения выступает глагольная лексема со значением уподобления «уша»- «быть похожим»: *Мен ушайма жыйындан ажашихан акъ къанкъазгъа, / Мен ушайма уясыз къалып къалгъан агъазгъа* [Аланский... 2015: 399] // «Я похожа на лебедь, отставший от своей стаи, / Я похожа на ласку, оставшуюся без норы».

В тексте встречаются дескрипции, выраженные без маркеров сравнения, что связано с предикативным употреблением одного из элементов сравнения: *Айтама да, ат угъай, тюзден келген арсланды, / Аны жерге юйреталлыкъ таза*

батыр уланды [Аланский... 2015: 394] // «Я же говорю, это не конь, а лев, пришедший из степи, / Кто сумеет объездить его, тот истинно отважный молодец».

В формулах проклятий встречается метафора – перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий, который обусловлен свойством человеческого мышления сравнивать имеющиеся понятия о чем-либо с новыми. Так, имя *Элжорукъа* заменяется названием животного – *къабан* «кабан»: *Андан эсе жерге жаным сау кирейим, / Къабан къан къусханын кёзюм бла кёрейим! / Ай, атанга да голия, гуду, сокъур Къабан, / Тonoуладан бошамагъан сен, Къаражау Къабан!* [Аланский... 2015: 415] // «Лучше мне живой лечь в черную землю, / Да увижу я, как этот Кабан изрыгает кровью! / Шиш твоему отцу, вороватый, слепой Кабан, / Вечно грабежами занятый, ты, Каражауов Кабан!».

В тексте довольно редко встречаются и метонимические переносы, которые представлены следующими типами метонимии:

а) перенос названия с вместилища на содержимое или объем содержимого: *аякъ* «чаша»: – *Айран берсе эдинг, деп, толу аякъны токъгъан эди, / Сылагъанлай, мыйыкълары юй тубюне акъгъан эди* [Аланский...2015: 404] // «– Дай мне айран, – сказал он и опрокинул целую чашу, / Как только вытер усы, они осыпались на пол»;

б) перенос наименования территориального образования на его жителей: *эл* «жители села»: *Жигит да, чамчы болсанг, кесинги суйдюрюрсе, / Болалмасанг, кесинге сау элни да кюлдюрюрсе* [Аланский... 2015: 393] // «Если будешь смелым и юморным, то тебя полюбят, / Если не сможешь, то насмешишь все село (жителей села)».

К средствам образной выразительности относится и эпитет – определение при слове, влияющее на его выразительность, красоту произношения [Никитина 1996: 3], основной задачей которого является разнообразить речь по смыслу, стилистике. Эпитет характеризуется как «стилистический приём, представляющий собой такое определение, которое передаёт информацию о каком-либо свойстве описываемого предмета или явления, дополнительную к его предметно-логической характеристике, т.е. стилистическую информацию» [Куксина 2008: 8], т.е. эпитет, участвуя в создании художественного образа, характеризует предмет или явление, переносит на него свое значение. Следовательно, эпитет выступает одним из значимых элементов стилистики поэтического текста.

В тексте песни в роли эпитета выступают определительные существительные: *Ныгъыш толуп, шургу тартхан деу батырла, / Наным келген болса, Анга былай айтырла* [Аланский... 2015: 409] // «На переполненной завалинке опечаленные богатыри, / Когда вернется мой милый, скажут ему так».

Некоторые эпитеты выражаются прилагательными, стоящими в атрибутивной позиции впереди существительного, при помощи которых раскрывается образ героя, например, *ала кёзлю* «светлоглазый»: *Субай санлы, ала кёзлю, тал чыбыкъ, / Тау артына аууп кетди, танг чыгъып* [Аланский... 2015: 424] // «Строитель, светлоглазый, как ветка ивы, гибкий, / С рассветом перевалил за гору».

В песне также широко представлена и цветовая символика. Довольно часто встречаются сложные слова и словосочетания, которые приобрели устойчивый

характер, и, которые в частеречном отношении являются именами существительными и прилагательными: *сарыкъулакъ* (кбылыч) «желтоухий (меч)», *къара ушкок* «двустволка», *къара ёлет* «чума», *акъ къанкъаз* «белый лебедь», *акъбёрк* «с белой шапкой», *къаракъаиш* «чернобровый (-ая)», *къарамыйыкъ* «черноусый», *къарасакъал* «чернобородый», *къара жер* «чернозем», *Къара таиш* «Черный камень» (священный камень) и др. Как видно из приведенных примеров, в текстах песни превалируют слова с колоративом *къара* «черный».

Небезынтересен и фразеологический фонд данного произведения, так как в фразеологических единицах закодирована информация о национально-специфических особенностях восприятия действительности, они наиболее ярко и точно передают специфику национального характера. В фразеологических единицах концентрируются многовековой опыт и знания народа и отражаются условия его жизни, особенности быта, истории, культуры, обычаев, традиций, что «является подтверждением антропоцентрического характера фразеологизмов» [Улаков, Хуболов 2014: 115]. Текст данной песни изобилует множеством фразеологизмов со следующими значениями:

а) состояния: *жан аурут* «сочувствовать кому-либо, пережевать за кого-либо», *жюреги кыйналды* «расстроиться», *эси кетди* «испугаться», *къара мукъут болду* «расстроиться», *къаны кёзюне чанды* «разозлиться», *жер юлюшю болургъа* «умереть», *жаны чыкъды* «испугаться», *кёлю тюшдю* «огорчиться», *жюреги толду* «расстроился», *эси тайды* «потерять сознание», *бетин жойду* «опозорить, опозориться», *жюреги эриди* «сжалиться над кем-чем», *шау болду* «умереть», *къан жауду* «испытать горе», *баш къагъаргъа* «засыпать»: *Къамгъут, анга жаны ауруп, къамичисин узатды, / Ол анга чырмалгъанлай, жилинны ёрге тартды* [Аланский... 2015: 395] // «Камгут, сжалившись над ней, протянул ей свою плеть, / Как только змея обвилась вокруг (плети), он вытянул ее наверх». *Жыл да турмай, бийчеси ауушуп къалгъан эди, / Жаш батырны жюреги анга бек кыйналгъан эди* [Аланский... 2015: 396] // «Не прошло и года, как умерла его жена, / Сердце молодого батыра сильно страдало по ней». *Къаным, аны излей, чапханды кёзюме, / Нек ийнандынг къахме бийчени сёзюне?* [Аланский... 2015: 405] // «В тоске по нему кровь моя прилила к глазам, / Зачем ты поверил речам развратной княгини?». *Муну алсам, – деди – Гошаяхдан къалдым, / Угъай десем, мында жер юлюшю болдум. / Алсам да, бу къатын мени этерми сау, / Артда уа, ким билед, кеси болурму шау?»* [Аланский... 2015: 406] // «Женюсь на ней, – подумал он, – и лишусь Гошаях, / Если же нет, превращусь в прах. / Но если и женюсь, то сможет ли она вылечить меня. / А потом, кто знает, не помрет ли сама?»;

б) образ действия: *аякъ тюбюнде чёп сынмай* «быстро»: *Элде уллу къууанч болду ол кюнледе, / Бийче жюрюйд, чёп сынмайын аякъ тюплеринде* [Аланский... 2015: 412] // «В те дни в селении было большое торжество, / Княгиня ходила так, что под ее ногами не ломались и травинки»;

в) мышления: *башы къазан къайнайды* «размышляет о чем-либо», *кёлюне келди* «ему пришло на ум», *эсине келди* «ему пришло на ум»: (Къаншаубий) *Къара кёкге къарап, жулдузланы санайды, / Къалай болайым деп, башы къазан къайнайды* [Аланский... 2015: 406] // «(Каншаубий) Глядя на черное небо, счи-

тает звезды, / В поисках выхода голова (его) кипит, как котел». *Хата этмеге эд деп, келди жашны кёлюне, / Экиси да жетген элле бийик къяя тубюне* [Аланский... 2015: 395] // «Как бы она не навредила мне», – подумалось ему, / Так они оба пришли к подножью высокой скалы». *Сабийни урлап кетди, бир киши да кёрмеди, / Басхан тарда излерге киши эсине келмеди* [Аланский... 2015: 397] // «Похитив ребенка, (он) уехал, никто этого не увидел, / Никому и в голову не пришло искать ее в Баксанской тестине»;

г) действия: *жан аямай* «не щадя себя», *ишге кюл жанды* «покрыть что-либо пеплом»: *Жан аямай, кюрешип, жау аскерни къяуа элле, / Душманланы ууатыргъа ол болушхан суна элле* [Аланский... 2015: 399] // «Не щадя жизни, сражаясь, (они) прогоняли вражеское войско, / Думали, что разбить неприятеля помогает он»;

д) восприятия: *кёзюн алмай* «не отрывая глаз (взор)»: *Ариу эди Къаншаубий да, адам айтып айтмазча, / Хар тиширыу аралып, андан кёзюн алмазча* [Аланский... 2015: 400] // «Красив был Каншаубий, словами это не передать, / Так (красив), что женщинам было от него глаз не оторвать»;

е) отношения [Хуболов 2016]: *жюреги къязды* «влюбился», *кёзю къарады* «симпатизировать», *къанындан тояргъа* «мучать»: *Бийкъанланы Бийбердни ол кичи къязы эди, / Аны кёрген Къамгъутну жюреги къязып эди* [Аланский... 2015: 397] // «Она была младшей дочерью Бийканова Бийберда, / У увидевшего ее Камгута сердце загорелось (от любви)»;

ж) сожаления: *эринин къанды* «сожалеть»: *Къаншаубий анга деди: «– Умутунг бир да толмаз, / Сени жалгъан сёзюнге Гюргёк бир да ийнанмаз». / Алай айтып, Къаншаубий Эл-Журтуна къайытды, Бийче, болмазын билип, эринин къаты къанды* [Аланский... 2015: 402] // «Каншаубий сказал ей: «– Твое желание не исполнится, / Князь Гюргок не поверит в твою ложь». / Сказав так, Каншаубий вернулся в Эл-Журт, / Госпожа, поняв, что у нее ничего не получится, сожалела».

з) воздействия: *исси къандырыргъа* «проучить»: *Аны сайлап, сен манга, Къаншау, бир да кюлме, / Санга исси къандырымасам, мен да мен туююлме* [Аланский... 2015: 402] // «Выбрав ее, Каншау, ты не смейся надо мной, / Я буду не я, если не проучу тебя».

Пословицы и поговорки, как и фразеологизмы, являются средством хранения и передачи жизненного опыта человека. В данном произведении выявлены всего три паремии поучительного характера: *Къоркъакъ болгъандан эсе, эрге ёлюп кетген игиди, / Ол сёз нартладан бери келгенледен бириди* [Аланский... 2015: 403] // «Чем быть трусом, лучше умереть, / Это одно из речений, бытующих со времен нартов»; *Эй, адам умутлары тюзде болур, тау баида, / Къайгъы уа марап турур, кёз къакъмай, имбаида* [Аланский... 2015: 401] // «Эй, надежда человека находятся в степях, на вершинах гор, / А беда подстерегает, не смыкая глаз, на плече». *Ой-ой, туюшле деген жукъуланы похуду, / Анга ийнанып тургъан адамланы жогъуду* [Аланский... 2015: 410] // «Ой-ой, ведь сновидения – это испражнение сна, / Верящий снам самый ничтожный из людей».

Лексику данного произведения, которая весьма богата и разнообразна, можно разделить на следующие тематические группы:

лексика, связанная с фауной: *агъаз* «ласка», *ажир* «жеребец», *ала чабакъ* «форель», *арслан* «лев», *ат* «конь», *бугъа* «бык», *жилян* «змея», *жур* (*жур эчки*) «косуля, серна», *илячин* «сокол», *кийик* «все раздельно-копытные дикие животные (кроме свиньи)», *кийик улакъ* «дикий козленок», *къазакъ бёрю* ««волк-одиночка» (постаревший волк в возрасте 12-15 лет, которого вытеснили из стаи более молодые волки)», *къалакъ парий (ит)* «волкодав», *къанкъаз* «лебедь», *къаплан* «тигр», *къоян* «заяц», *марал* «марал; олень», *сюлесин* «рысь», *тай* «жеребенок», *тюлкую* «лиса», *эшек* «осел»;

лексика, связанная с флорой: *агъач* «лес», *къырдык* «трава», *гюл* «цветок», *нарат* «сосна», *наз (назы)* «ель», *лапиян* «опиум», *телче ханс* «растение с широкой корневой системой»;

лексика, связанная с коневодством: *эмилик ат* «необъезженный жеребец», *хора ат* «породистая лошадь», *жюйрюк ат* «конь, быстрый в ходьбе», *генжестай* «фольк. жеребенок от кобылицы третьего года», *къаратор* «темно-гнедая»; *жер (ат жер)* «седло», *ат иер* «седло», *жюген* «упряжка», *жылкыы* «табун», *ёзенги* «стремя», *айыл* «подпруга», *терлик* «потник», *къамичи* «кнут, плеть»;

лексика, связанная с военным делом: *къылыч* «сабля», *окъ* «пуля», *хомпар* «мортира», *хомпар таш* «пушечное ядро», *садакъ* «лук»; *душман* «враг», *аскер* «войско», *аскер баишы* «полководец», *уруш* «война», *сермеш* «битва», *берем* «кольчуга»;

лексика, связанная с одеждой: *гён чарыкъ* «обувь из обработанной кожи крупного рогатого скота», *ышым бау* «подвязка ноговицы», *къауракъ* «сатин», *тон* «шуба», *бёрк* «шапка», *бел бау* «ремень», *жаулукъ* «платок», *чабыр* «рабочая мужская обувь из бычьей или воловьей кожи, в которую кладут солому для утепления»;

религиозная лексика: *оба* «могила», *гюнах* «грех», *ёлю* «усопший», *кёр* «могила», *къабыр* «могила», *сал басхыч* «носилки, на которых несут тело покойника на кладбище», *сын таш* «памятник», *Уллу Тейри* «Верховный бог»;

названия музыкальных инструментов: *сыбызгы* «свирель, дудка», *къобуз* «гармонь», *сырыйна* «зурна»;

названия металлов: *алтын* «золото», *кюмюш* «серебро», *шемшер* «самшит»;

название игры: *сатраш оюн* «игра в шахматы»;

сословие: *бий* «бей», *къарауаш* «прислуга», *хан* «хан», *бийче* «госпожа», *ёзден* «уздень», *къумукъ гошала* «кумыкские княжны», *падчах* «царь»;

название болезни: *къара ёлет* «чума»;

названия напитков: *айран* «кисло-молочный напиток», *боза* «буза», *зынтхы боза* «буза из овса», *эшекмыя боза* «буза, в которую добавляли ослиные мозги (отрава)», *сыра* «пиво»;

лексика, отражающая пространственные объекты и рельеф местности: *агъач* «лес», *аулакъ* «поле», *аууз* «ущелье», *ёзен* «долина», *жер* «земля», *къая* «скала», *къодан белли* «разделенное пастбище», *къол* «ущелье», *сабан* «пашня», *суу* «вода», *тар* «теснина», *тау* «гора», *таш* «камень», *тюз* «равнина», *хуру* «камни, собранные в кучу (обычно при обработке поля)», *чауул* «морена, завал; груды камней», *шорха* «ручей», *эгур* «мелкий песок»;

лексика, отражающая различные рукотворные объекты (постройки): *ат орун* «конюшня», *юй* «дом», *арбаз* «двор», *жербаи юй* «землянка», *кешене* «гробница, мавзолей», *сатрач юй* «изразцовый дом», *къала* «крепость, замок», *мекам* «дом, жилище», *тохана* «престол, трон»;

лексика, отражающая различные территориальные образования: *эл* «государство; село», *ханлыкъ* «ханство»;

лексика, отражающая родственные отношения: *ата* «отец», *ана* «мать», *акка* «дядя», *ахлу* «родня», *бала* «ребенок», *бийче* «жена», *келин* «невестка», *киеу* «зять», *къайын* «родственники по мужу (жене)», *къатын* «жена», *туудукъ* «внук/внучка», *улан* «сын», *эмчек ана* «молочная мать», *эмчек къарындаи* «молочный брат», *эгеч* «сестра», *эр* «муж»;

лексика, отражающая астрономические объекты: *Чолпан* «Венера», *Темиркъазыкъ* «Полярная звезда», *Жетегейле* «Созвездие Большой медведицы», *Илкер* «Плеяды», *Мырытла* «Плеяды, семь светил небесных тел», *Гида* «Созвездие Ориона», *Къойчу жулдуз* «Пастушья звезда» или «Венера».

При анализе текста песни выявлено большое количество ономастической лексики, среди которой встречаются антропонимы, топонимы и гидронимы. Топонимы составляют значительную часть данного пласта лексики, посредством которых можно установить территорию расселения карачаевцев и балкарцев. Это такие топонимы, как: *Басхан* «Баксан», *Бызынги* «Безенги», *Къан кечу* «Кровавый брод», *Къарачай* «Карачай», *Къобан* «Кубань», *Малкъар* (село Верхняя Балкария), *Мухур тюз* «Равнина Мухур», *Тар аууз* «Тырныаууз», *Уллу Тюз* «Большая Равнина», *Элтаркъач* «Элтаркач», *Непе-базар*, *Хурзук*, *Эл-Журт*, а также названия близлежащих территорий: *Дагъыстан* «Дагестан», *Иймерет* «Имеретия», *Къабарты* «Кабарда», *Тау арты* «Загорье», *Терк Башы* «Верховье Терека» – название местности, в которой ныне расположен город Владикавказ» и *Стампул* «Стамбул».

В тексте песни встречаются три гидронима: *Басхан суу* (р. Баксан) – «гидроним *Басхан/Баксан* имеет значение «затопляющая, разливающаяся» (причастная форма на -хан от карачаево-балкарского глагола бас- «затопить») [Хаджилаев 1970: 22]. Б.Х. Мусукаев пишет, что слово *Басхан* «восходит к *бас* (*баи*) + *хан* «главная река»» [Мусукаев 2007: 126-127]. По М.А. Хабичеву название *Бахсан* состоит из *бакъ* – *балыкъ* «речка» и *сан* – *асан*, чув. *васан* «ручей» [Хабичев 1982]. *Терк суу* (р. Терек) – «быстрая», «стремительная» [Хапаев 2013: 346]. М.А. Хабичев отмечает, что соотнесение карач.-балк. *терк* «быстрый», «буйный» с названием Терека произошло, возможно, еще в древности, однако оно вторично по сравнению с первоначальным значением р. Терек. Терек восходит к древнетюркскому *тернъек*, *терньюк* «ручей», «родник», «источник» [Хабичев 1982: 45]. *Хазар тенгиз* «Каспийское море» образован от этнонима *хазар* «хазар» + *тенгиз* «море», где слова хиз, хыз, хаз восходят к этнонимам Хазар или Куман [Байрамуков и др. 2012].

Ороним *Минги тау* (г. Эльбрус). Этимология оронима восходит к др.-тюрк. *мёнги* «вечный», «радость», «счастье» [ДТС 1969: 342]. Х.-М. И. Хаджилаев отмечает, что в современном киргизском языке слово *моьнгуь* «горный ледник, вечный снег», в ойратском языке *моьнкуь* «горный ледник, вечный снег», в тувин-

ском же языке слово *менги* «ледник», да и во многих других тюркских языках в различных фонетических вариациях присутствует слово *минги* [Хаджилаев 1970: 23-25]. Слово *Минги* является вариантом древнетюркского *мёнгю* «вечный ледник; вечный снег; горный ледник», т.е. ороним *Минги тау* означает «вечная гора; ледяная гора» [Байрамуков и др. 2012].

Антропонимы: *Бекмырза* «Бекмурза», *Къамгъут* «Камгут», *Элбуздукъ* «Элбуздук», *Къаншаубий* «Каншаубий», *Гилястан*, *Бийберт*, *Бахсанукъ* «Бахсанук», *Къарча* «Карча», *Гошayah*, *Къарачач* «Карачач», *Хадаужукъ* «Хадаужук», *Гюрgekъa* «Гюргека», *Кантин*, *Къаз* «Каз»; *Абайлары* «Абаевы», *Бийкъанлары* «Байкановы», *Боташлары* «Боташевы», *Къазийлары* «Казиевы», *Къырымшаухаллары* «Крымшамхаловы».

Этнонимы: *алан* «алан», *малкъарлы* «малкарец (в данном тексте это представитель Черекского ущелья), *къарачайлы* «карачаевец», *къабартылы* «кабардинец», *эбизе* «сван», *къумукъ* «кумык», *къазий-къумукъ* «букв. казий-кумыки», *тамлы* «абазинское племя, букв. тамовец».

В этнокультурном аспекте в тексте песни представлены некоторые обряды карачаевцев и балкарцев:

а) праздник *ыстым той* «праздник пожеланий». Через несколько дней после рождения ребенка (точнее, на 7-ой день, иногда через 10-15 дней и даже позже) проводится первый обряд – это укладывание ребенка в колыбель (бешикге салыу «укладывание в люльку»). Нередко обряд укладывания в люльку проводили совместно с охранительным обрядом *ыстым-той* [Карачаевцы и балкарцы 2014: 475]: *Келинлени барын бирден сынарма, / Ыстым тойда къонакъланы сыйларма* [Аланский... 2015: 424] // «Невесток своих испытаю всех, / На празднике Ыстым гостей угощу».

б) поклонение священным камням с различными просьбами было распространено со времен язычества и до окончательного укоренения Ислама в обществе. В аспекте антропоцентрического рассмотрения картины мира этноса Камень являлся символом, тесно связанным с миропониманием, мироощущением карачаево-балкарского народа, со складом его мышления. В тексте песни таким выступает *Къара Таиш* «Черный Камень»: *Бийче къарауашы Къарачачха айтды: / – Къара Таиха, кел энди, бирге бир барайыкъ, / Андан тебен таргъа бирге бир къарайыкъ... / Къаншау-бийим, сау эсе, ол Таиш бизге айтыр / <...> Насып келип, жашай, артада бек абындыкъ, / Амалсыздан Таиха, келгенбиз, табынып* [Аланский... 2015: 407-408] // «Госпожа говорит своей служанке Карачач: / – Пойдем вместе к Черному камню, / Оттуда посмотрим на нижнюю часть ущелья.../ Если (мой) Каншаубий жив, то Камень даст знать / <...> Живя счастливо, потом (мы) споткнулись, / От безысходности мы пришли поклониться Камню»;

в) обычай левирата был широко распространен у многих народов на стадии патриархально-родового строя. У карачаевцев и балкарцев обычай левирата бытовал в пережиточной форме. Как отмечал И.М. Шаманов, «к числу пережиточных форм брака, зародившихся еще в период матриархата и теряющих свою обязательную силу в быту карачаевцев, следует отнести так называемый левиратный брак «*тул той*»» (Шаманов 1979: 15). *Бийче талай заманын аман*

бла ашыргъан эди, / Жууукъ жетген къатынладан бири анга айтхан эди: / – Сен кесинг жангыз къалып, бушууу эте, ёлесе, / Адет бла къайынынга барлыгъынгы билесе. / Къайындарынг, санга жарсый, таза да эрикгендиле, / Кимге барлыгъын кеси бизге айтсын, дегендиле [Аланский... 2015: 407-408] // «Госпожа долгое время провела одна, / Одна из родственниц ей сказала: / – Ты, оставшись одинокой, страдаешь в печали, / По обычаю ты должна выйти замуж за деверя своего, ты знаешь. / Родственники (мужа) беспокоятся о тебе, / За кого из нас она хочет замуж, пусть (сама) скажет».

Таким образом, исследованный нами материал позволяет сделать вывод о том, что в тексте песни «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях» содержится большое количество лексем, образующих различные тематические группы. Также следует сказать, что данное произведение отмечено интертекстуальностью и содержит большое количество языковых единиц различного уровня.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аланский... 2015 – *Аланский историко-героический эпос*. В 3 томах. Т. I / Сост. М.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: ООО «Тетраграф», 2015. – 656 с.

Антология... 1959 – *Антология балкарской поэзии* / сост. А.Ю. Бозиев, С.А. Отаров, А.Х. Соттаев. – Нальчик: Кабард.-Балк. кн-во, 1959.

Асанов 1996 – *Асанов Ю.Н.* Песня-поэма «Каншаубий», или «Плач княгини Гошаях»: Историко-сравнительный анализ карачаево-балкарских вариантов: аргументы и факты. – Нальчик: Эль-фа, 1996. – 125 с.

Ахлаков 1981 – *Ахлаков А.А.* Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. – Москва: Наука, 1981. – 280 с.

Ахматова 2011 – *Ахматова М.А.* Вербализация сравнения в карачаево-балкарском нартском эпосе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 28 (243). – С. 20-23.

Ахматова, Кетенчиев 2013 – *Ахматова М.А., Кетенчиев М.Б.* Интертекстуальность как облигаторный признак карачаево-балкарского нартского эпоса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 2 (293). – С. 68-70.

Байрамуков и др. 2012 – *Байрамуков У.З., Байрамуков М.У.* Нартиада. Опыт сравнительного анализа. – Черкесск, 2012. – 516 с.

Джанкезова 2011 – *Джанкезова М.А.-А.* Карачаево-балкарские историко-героические песни: генезис, жанровое своеобразие, поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Черкесск, 2011. – 23 с.

ДТС 1969 – *Древнетюркский словарь* / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград: Наука, 1969. – 676 с.

Карачаевцы и Балкарцы 2014 – *Карачаевцы и Балкарцы* / ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. – Москва: Наука, 2014. – 815 с.

Кетенчиев 2021 – *Кетенчиев М.Б.* О языке историко-героической песни «Сын Темиркана Ачемез» // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. – Нальчик, 2021. – С. 132-137.

Куксина 2008 – *Куксина А.Е.* Структурно-семантические типы сложных эпитетов в языковой картине мира писателя (на материале художественной прозы Ю. Нагибина): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2008. – 23 с.

Малкондуев 2015 – *Малкондуев Х.Х.* Историко-героические песни карачаево-балкарского народа. – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. – 312 с.

Мусукаев 2007 – *Мусукаев Б.Х.* Очерки балкарской ономастики. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2007. – 171 с.

Никитина 1996 – *Никитина С.Е.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. – Москва, 1996. – 172 с.

Ортабаева 1977 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские народные песни. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1977. – 150 с.

Улаков, Хуболов 2014 – Улаков М.З., Хуболов С.М. Семантически двукомпонентные предложения с предикатами, выраженными именными фразеологизмами в карачаево-балкарском языке // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2014. – № 52. – С. 113-116.

Урусбиева 2003 – *Урусбиева Ф.А.* Метафизика колеса: вопросы тюркского культурогенеза. – Сергиев Пасад, 2003. – 207 с.

Хабичев 1982 – *Хабичев М.А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 136 с.

Хаджилаев 1970 – *Хаджилаев Х.-М. И.* Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск, 1970. – 159 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – Москва, 2013. – 576 с.

Хуболов 2016 – Хуболов С.М. Структурно-семантические особенности предложений с предикатами, выраженными трехвалентными фразеологизмами со значением отношения в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – №1-2 (55). – С. 190-193.

Чернявская 2004 – *Чернявская В.Е.* Интертекст и интердискурс как реализация текстовой открытости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. – № 1. – С. 106-111.

Шайхисламова 2015 – *Шайхисламова З.Ф.* Язык – дом бытия духа (опыт этнолингвокультурологического изучения национального мировосприятия, мировидения в этноонтологическом аспекте). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – 200 с.

Шаманов 1979 – *Шаманов И.М.* Брак и свадебные обряды карачаевцев в XIX – начале XX в. // Археология и этнография Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979. – С. 15.

REFERENCES

Alanskii istoriko-geroicheskii epos. [Alan historical-heroic epic]. V 3 tomakh. T. I / Edited by M.Ch. Dzhurtubaev. – Nalchik: ООО «Tetragraf», 2015. – 656 p. (In Kar.-balk.)

Antologiya balkarskoi poezii. [Anthology of Balkar poetry] / Edited by A.Yu. Boziev, S.A. Otarov, A.Kh. Sottaev. – Nal'chik: Kabard.-Balk. kn-vo, 1959. (In Kar.-balk.)

ASANOV Yu.N. *Pesnya-poema «Kanshaubij», ili «Plach knyagini Goshayah»: Istoriko-sravnitel'nyj analiz karachaevo-balkarskih variantov: argumenty i fakty* [Song-poem "Kanshaubiy," or "Crying Princess Goshayakh": Historical and comparative analysis of Karachay-Balkarian options: arguments and facts]. – Nalchik: El fa, 1996. – 125 p. (In Russ.)

AKHLAKOV A.A. *Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza.* [Historical songs of the peoples of Dagestan and the North Caucasus]. – Moscow: Nauka, 1981. – 280 p. (In Russ.)

AKHMATOVA M.A. *Verbalizatsiya sravneniya v karachaevo-balkarskom nartskom epose.* [Verbalization of comparison in the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2011. – № 28 (243). – P. 20-23. (In Russ.)

AKHMATOVA M.A., KETENCHIEV M.B. *Intertekstual'nost' kak obligatornyi priznak karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa.* [Intertextuality as an obligatory feature of the Karachay-Balkarian Nart epic]. IN: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2013. – № 2 (293). – P. 68-70. (In Russ.)

BAIRAMUKOV U.Z., BAIRAMUKOV M.U. *Nartiada. Opyt sravnitel'nogo analiza.* [Nartiada. Benchmarking experience]. – Cherkessk, 2012. – 516 p. (In Russ.)

DZHANKEZEVA M. A.-A. *Karachaevo-balkarskie istoriko-geroicheskie pesni: genesis, zhanrovoe svoebrazie, poetika* [Karachay-Balkar historical and heroic songs: genesis, genre originality, poetics]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Cherkessk, 2011. – 23 p. (In Russ.)

Drevnyeturkskii slovar'. [Ancient Turkic dictionary] / red. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. – Leningrad: Nauka, 1969. – 676 p. (In Russ.)

Karachaevtsy i Balkartsy [Karachais and Balkars] / red. M.D. Karaketov, Kh.-M.A. Sabanchiev. – Moscow: Nauka, 2014. – 815 p. (In Russ.)

KETENCHIEV M.B. *O yazyke istoriko-geroicheskoi pesni «Syn Temirkana Achemez»*. [About the language of the historical-heroic song “Son of Temirkan Achemez”]. IN: *Fol'klornyi tekst: rubezh tysyacheletii*. – Nal'chik, 2021. – P. 132-137. (In Russ.)

KUKSINA A.E. *Strukturno-semanticheskie tipy slozhnykh epitetov v yazykovoii kartine mira pisatelya (na materiale khudozhestvennoi prozy Yu. Nagibina)* [Structural-semantic types of complex epithets in the writer's linguistic picture of the world (based on the material of Y. Nagibin's literary prose)]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moscow, 2008. – 23 p. (In Russ.)

MALKONDUEV Kh.Kh. *Istoriko-geroicheskie pesni karachaevo-balkarskogo naroda*. [Historical and heroic songs of the Karachay-Balkar people]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2015. – 312 p. (In Russ.)

MUSUKAEV B.Kh. *Ocherki balkarskoi onomastiki*. [Essays on Balkar onomastics]. – Nal'chik: Izdatel'stvo KBNTs RAN. – 2007. – 171 p. (In Russ.)

NIKITINA S.E. *Ekspertimetal'nyi sistemnyi tolkovyi slovar' stilisticheskikh terminov*. [Experimental system explanatory dictionary of stylistic terms]. – Moscow, 1996. – 172 p. (In Russ.)

ORTABAEVA R.A.-K. *Karachaevo-balkarskie narodnye pesni*. [Karachay-Balkar folk songs]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe otdelenie Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, 1977. – 150 p. (In Russ.)

ULAKOV M.Z., KHUBOLOV S.M. *Semanticheski dvukomponentnye predlozheniya s predikatami, vyrazhennymi imennymi frazeologizmami v karachaevo-balkarskom yazyke*. [Semantically, two-component sentences with predicates expressed by nominal phraseologisms in the Karachay-Balkarian language]. IN: *Vestnik Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN*. – 2014. – № 52. – P. 113-116. (In Russ.)

URUSBIEVA F.A. *Metafizika koleasa: voprosy tyurkskogo kul'turogeneza*. [Metaphysics of the wheel: issues of Turkic cultural genesis]. – Sergiev Pasad, 2003. – 207 p. (In Russ.)

KHABICHEV M.A. *K gidronimike Karachaya i Balkarii*. [On the hydronymy of Karachay and Balkaria]. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 136 p. (In Russ.)

KHADZHILAEV Kh.-M. I. *Ocherki karachaevo-balkarskoi leksikologii*. [Essays on Karachay-Balkar lexicology]. – Cherkessk, 1970. – 159 p. (In Russ.)

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii*. [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – Moscow, 2013. – 576 p. (In Russ.)

KHUBOLOV S.M. *Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozhenii s predikatami, vyrazhennymi trekhvalentnymi frazeologizmami so znacheniem otnosheniya v karachaevo-balkarskom yazyke*. [Structural and semantic features of sentences with predicates expressed by trivalent phraseologisms with relation value in Karachay-Balkarian language]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2016. – №1-2 (55). – P. 190-193. (In Russ.)

CHERNYAVSKAYA V.E. *Intertekst i interdiskurs kak realizatsiya tekstovoi otkrytosti*. [Intertext and interdiscourse as a realization of textual openness]. IN: *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*. 2004. – № 1. – P. 106-111. (In Russ.)

SHAIKHISLAMOVA Z.F. *Yazyk – dom bytiya dukha (opyt etnolingvokul'turologicheskogo izucheniya natsional'nogo mirovospriyatiya, mirovideniya v etnoontologicheskoi aspekte)*. [Language is the home of the spirit (the experience of ethnolinguocultural study of the national worldview, worldview in the ethnoontological aspect)]. – Ufa: RITs BashGU, 2015. – 200 p. (In Russ.)

SHAMANOV I.M. *Brak i svadebnye obryady karachaevtsev v XIX – nachale XX v.* [Marriage and wedding ceremonies of the Karachais in the 19th – early 20th centuries.]. IN: *Arkheologiya i etnografiya Karachaevo-Cherkessii*. – Cherkessk, 1979. – P. 15. (In Russ.)

Информация об авторах

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

М.З. Улаков – доктор филологических наук, профессор.

С.М. Хуболов – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

M.Z. Ulakov – Doctor of Science (Philology), professor.

S.M. Khubolov – Candidate of Science (Philology), docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.01.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2024 г.; принята к публикации 27.03.2024 г.

The article was submitted 31.01.2024; approved after reviewing 15.03.2024; accepted for publication 27.03.2024.